

Juhlarahasto

*Дорогие
юные и взрослые читатели
нашего журнала!*

Мы заканчиваем рубрику
«Хрестоматия»-2018 и предлагаем
Вашему вниманию фрагменты из книги
Миикки Пёрсти «Праздник для всех».
Мы надеемся, что наша работа продолжится
и в будущем. Присылайте нам свои отклики,
пожелания, предложения.

Мы выражаем благодарность Юбилейному
фонду 150-летия парламентской
деятельности Финляндии
(Valtiopäivätoiminnan 150-merkkivuoden
juhlarahasto) за финансовую поддержку
проекта «Хрестоматия».

Благодарим участников проекта и всех, кто
помогал советами.

До новых встреч на страницах журнала
в 2019 году!

Миикка Пёрсти

Праздник для всех

Фрагменты из книги

От переводчика

Эта книжка рассказывает о дне рождения одного мальчика и о том, что предшествовало празднику. В ней 142 страницы, поэтому мы публикуем только фрагменты. И, чтобы вам было легче читать, я буду кратко рассказывать, что происходило между фрагментами. Так, в самом начале книжки мы знакомимся с ее главными героями. Это мальчики – Петтери-Лис, Кепка, которого прозвали так из-за коллекции кепок, Сыр, которого мама-француженка все время уговаривает съесть сыра и Налле, который очень любит... вязать. Они все живут в одном таунхаусе на окраине Хельсинки и дружат. Но Петтери-Лис считает себя главным, а остальных – своими «корешами», как он их называет. Вчера Петтери-Лис нарочно попал мячом в окно к соседу господину Жаргону, но это было вчера, а сегодня – новый день, к тому же выходной.

1.

Петтери-Лис разворачивается и наблюдает за домом в надежде, что скоро кто-нибудь выйдет. Но ничего не происходит.

И опа! Он обнаруживает нечто новенькое. Что-то изменилось, и в нем просыпается любопытство. Точно, что-то изменилось, только вот что?

Петтери-Лис разглядывает свой дом – и сверху вниз, и снизу вверх, и справа налево, и слева направо...

Э, да в доме стало одной квартирой больше! Квартира господина Жаргона отодвинулась в торец, где она всегда и была, а рядом образовалась новая дверь. Петтери подходит к ней, поднимается на крыльцо, и смотрит на табличку с фамилией жильцов.

На табличке написано «Хассен».

«Чё?» – удивляется Петтери.

Тут дверь открывается и выглядывает мальчик. У него короткие курчавые волосы и какой-то странный, как показалось Петтери, загар.

«Ты кто?», – спрашивает Петтери-Лис.

«Я Мухис. То есть ваще'т Мухаммад.

Но все говорят «Мухис». И мама уже тоже. Папа ее поправляет, но иногда он тоже случайно, что Мухис, делай домашк', или, Мухис, ну-к' мыться, от'так».

Петтери не сводит с него взгляда.

Удивляется.

«Ты чё тут делаешь?» – спрашивает.

«Мы сюда в Хельсинки переехали. Я раньше' в Сало жил. А это там твой мяч? Можн' я тоже буду им играть? А ты сам-то кто?»

Петтери соображает.

Что-то тут, по его мнению, не так, но вот что? Что-то такое во всем этом есть странное и непонятное...

«Да, мяч футбольить можно, но только вот в это окно», – говорит Петтери и показывает на окно спальни господина Жаргона.

«Не, не хочу. Я б лучше в ворота. Тут во дворе можн' ворота поставить. Я почти всегда в правый верхний пробиваю».

«Никто почти всегда в правый верхний не пробивает, и никаких ворот тут ставить нельзя. Спроси вон у одного Жаргона, если не веришь. Хочешь забивать – так забивай в окно».

«Так ведь заругаются, точняк».

«Никто не заругается. У нас тут правило – забивать только туда».

Петтери до сих пор беспокоит чувство чего-то неправильного и странного. Вот только не сообразить, чего...

Он трясет головой в сторону Мухиса так же, как это делают большие ребята из окрестных многоэтажек в «молодежнике» (1). Там все пацаны с мопедами, и лучше к ним не соваться.

Они, говорят, и в морду дать могут, и вообще.

Петтери знает, они с Сырком и Кепкой нередко шпионили за ними из кустов.

Налле этим не интересовался, что было досадно, потому что у него был бинокль из пакета с хлопьями, и в него было бы видно лучше. А у Сыра имелась рация, которая тоже пригодилась бы, да только пользоваться ею было нельзя, потому что из-за этого в ней садились батарейки.

«Погоди, так ты-то кто?» – спрашивает Мухис, когда Петтери уже разворачивается прочь.

«Не твое дело!»

Кореша во двор так и не вышли, так что Лис решает вернуться домой и рассказать родителям про этот странный случай.

Дома папа откладывает газету и несколько рассеянно смотрит на Петтери-Лиса, который зовет его на бегу из прихожей в кухню.

«Этот парень ну прямо очень странный. И имя у него странное. И говорит он ну ооочень странно», – делает вывод Лис, добравшись до кухни, и выложив папе все, кроме того, куда он советовал Мухису целиться мячом.

«То есть как это он захватит вашу площадку и мяч? И почему это он

странный?» – спрашивает папа из-за газетного листа.

«Точняк захватит. Просто потому, что он такой вот непонятный. И имя странное».

«Твое имя тоже многим кажется странным».

«Чё? Да ладно, этот пацан вообще странный».

«А по-настоящему этого Мухиса не Мухаммад зовут?»

«Ага. А ты откуда знаешь?»

«Да мы с Кепкиным отцом как раз обсуждали, что к нам вроде новые жильцы въезжают. Они вроде бы из Ирака родом...»

«Чё?»

»Из Ирака. Ирак. Страна такая. Они иракцы. Там война была и разные проблемы. И люди, которые остались без дома, поехали оттуда в другие страны. Их беженцами называют».

«А?»

Слово «беженец» для Лиса звучит также непонятно, как и слово «бездомный». От чего они бегут, и почему у них не стало дома – вот что подумал бы Лис, если бы это пришло ему в голову.

«Какие же они бездомные, если они тут живут», – возражает Петтери-Лис.

«Были бездомные, пока у них не появился дом в Финляндии».

«Ага», – Лис косит вниз.

«Именно», – подтверждает папа и скрывается за газетой, как за занавесом.

«А с чего им сюда-то переезжать понадобилось?»

«А-а... Может, им так захотелось».

«Так сюда, поди, кто угодно-то въехать не может?»

Папа погружается в размышления.

«Вообще-то, в принципе, может», – отвечает он и окончательно исчезает за газетой.

Теперь Лиса, вдобавок к новому соседству, раздражает и то, что папа не

принял его всерьез. И еще употребил слово «в принципе».

Лису сложно понять, что оно означает, или что означает слово «на практике», как-то связанное с «в принципе».

В это же время Нюня просыпается и подымает крик. Со второго этажа слышится убаюкивающий мамин голос.

И голос, и мелодия Лису очень хорошо знакомы.

Он еще секунду размышляет и говорит:

«В жизни не догадаешься, что Мухис мне сразу сказал, чтобы я сделал».

«Ну, что?» – слышится папин голос из-за газеты.

«Он меня уговаривал забить гол в окно к Жарику».

Папа хохочет и снова откладывает газету.

«Он что, уже вчера тебе велел это сделать, еще до того, как переехал?»

Отец смеется так, что только зубы сверкают. Обычно это происходит только в канун Первомая, когда колбаски и картофельный салат уже съедены и лимонад выпит. Или тогда, когда папа что-нибудь довел до конца, хотя Лис никак не может запомнить, что именно он доводит до конца.

Лис полагает, что у него что-то получилось, раз уж он рассмешил папу, но раздражение не уходит.

Почему? А потому, что его не приняли всерьез.

Хотя про окно-то, понятно, вранье, и мама папе наверняка об этом сообщила.

«Эх ты, сынище!», – напоследок ухмыляется папа и снова пропадает за газетой.

Лиса уже не интересуется общением с папой, потому что он знает – папа, как всегда, оказался прав, хотя Лис про себя нередко считает иначе. Он бежит к

лестнице и слышит крик: «Петтери!». Снимает на бегу кроссовки и кидает их вниз через перила. Уходит в свою комнату и благоразумно закрывает за собой дверь.

Бросается на кровать и включает телевизор.

Показывают «Харри и Динозавриков». Скукотища.

Он подбирает с пола «Дональда Дака», и снова кладет на край кровати. Тоже скукотища.

Переключает канал, там идет «Гонщик».

На минуту ему становится весело. А потом уже нет.

Лис выключает телевизор. Фыркает и говорит.

«Я точно знаю. Этот пацан просто странный. ТОЧКА».

И швыряет «Дональда Дака» в дальний угол.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

1. С кем неожиданно знакомится Петтери? Почему он считает внешность и поведение Мухиса странными?
2. О чем разговаривают мальчишки?
3. Как зовут друзей Петтери?
4. Что объясняет папа Петтери?

ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему Петтери становится скучно смотреть телевизор?
2. Как у вас происходит общение с родителями? Часто ли вы посвящаете их в свои дела?

От переводчика

В отличие от Петтери-Лиса, его «кореша» Кепка, Сыр и Налле сразу подружились с Мухисом. С досады Петтери-Лис провел выходные дома в одиночестве, раздумывая, как избавиться от Мухиса. И к понедельнику у него появилась идея.

2.

Утром Петтери-Лис завтракает хлопьями и говорит «да», когда мама спрашивает, почистил ли он зубы, и еще раз «да», когда мама уточняет, причесался ли он, и опять «да», когда мама интересуется, не забыл ли он надеть трусы, чтобы учитель физкультуры не отправлял больше домой записок с напоминанием о том, как важно пользоваться нижним бельем.

На школьном дворе Лис мотает лохматой головой в сторону приятелей, сжав губы в ниточку. Не говоря им ни слова, он проскальзывает в класс и садится на свое место. На «родной речи» он совсем не слушает учителя, но доволен хотя бы тем, что Мухис сидит в противоположном конце класса.

И на первой же перемене он начинает осуществлять свой план и принимается агитировать.

Это слово он выучил после того, как однажды учительница отправила родителям записку, где говорилось: «На перемене Петтери-Лис агитировал других ребят не играть с Кепкой».

Да, было дело, когда он подбивал одноклассников не дружить с Кепкой. За что-то он тогда разолился на Кепку, а за что – он уже и не помнил. Может быть, за то, что Кепка угрожал лидерству Петтери-Лиса среди «корешей». Во всяком случае, по

мнению самого Петтери.

То есть агитация – это когда пытаешься заставить людей думать определенным образом.

В прошлый раз это у Петтери не вышло. Но теперь ему кажется, что агитация может иметь успех, потому что Мухис ну уж настолько явно подозрительный тип. А то ведь в прошлый раз дело было, скорее... ну, может, и в зависти, как сказал папа самого Петтери. И тогда Петтери возразить было нечего.

И вот в начале перемены Петтери-Лис подходит к мальчишкам из своего класса, болтающим во дворе возле двери. Все «кореша» на месте, и Мухис тоже – он как раз рассказывает, сколько всего интересного было во дворе той школы в городе Сало, где он раньше учился.

Лис перебивает его рассказ о здоровенной шведской стенке:

«Слыш, чуваки! От Мухиса чем-то несет».

«Чего?» – спрашивает Мухис и смотрит на Налле.

«Он говорит, что от тебя воняет», – объясняет Налле.

Мухис нюхает собственную руку. «Ничем не воняет».

«Ничем он не воняет», – говорит Кепка.

«Несет аж досюда», – утверждает Петтери.

Налле достает вязание. Сыр разглядывает облачка.

«Когда ты тогда в субботу ушел, мы решили, что ничем таким он не воняет», – сообщает Кепка.

«Да что вы могли решить-то, если он в натуре шмонит».

«Да ладно, ничего не шмонит. Мухис нормальный чувак», – вступается Сыр.

«Да это же все чувствуют, честное слово. Я же к двери их подходил. Этот запах у них из дома идет».

«Не чувствую я ничего», – говорит Кепка.

«Это у тебя самого в носу, наверное, пахнет», – вступает в разговор Йессе, один мальчик из их класса, отличный, на самом деле, парень, который тоже мог бы быть «корешом», если бы не жил в неподходящем для этого месте, то есть в многоэтажке. И если бы он не пререкался с Петтери-Лисом.

«Ничем я не воняю!» – защищается Мухис.

«Заткнись. А вы осторожнее, а то вы, в натуре, скоро сами все тут провоняете», – рычит Лис.

«И ничего не провоняем», – спорит Сыр.

«Ну вот когда провоняете, тогда поймете, кто был прав!» – заявляет Петтери-Лис, и тут звонит звонок на урок.

Втайне Лис испытывает облегчение: агитация толком не сработала, и чуть ли не обернулась против него же. Поэтому звонок был для него спасением.

Остаток дня Петтери-Лис дуется в компании мальчишек из параллельного класса и наблюдает за одноклассниками с другой стороны двора. Раньше он с параллельным классом не общался из принципа, потому что так положено. Они – совсем другая компания: если во дворе играют в футбол, то из двух классов автоматически собираются две команды. Однако теперь параллельный класс казался единственной альтернативой: иначе пришлось бы ходить одному. А это было очень неприятно. Вдруг кто-то заметит, что он один. Но странно, что в то же самое время Петтери-Лису хотелось бы остаться одному.

Вот как бывает у человека. Поэтому на всех оставшихся переменах Лис болтает с ребятами из параллельного класса. И каждый раз, когда он слышит,

что его одноклассники смеются или кричат, увлеченные игрой, это его бесит. От злости он начинает нарочито ржать, или громко говорить какие-то глупости, чтобы народ из параллельного класса уж точно засмеялся.

После школы Лис направляется домой, держась чуть позади «корешей» и Мухиса.

Налле оборачивается и спрашивает: «А чего ты с нами не идешь?»

«Да не больно-то и хотелось».

«Да перестань ты», – говорит Кепка.

«Сами вы перестаньте», – бурчит Лис и переходит на бег.

Он обгоняет «корешей», вбегает во двор, на свое крыльцо, проскальзывает внутрь, на второй этаж и к себе в комнату.

Между нами говоря, Петтери-Лис чуть не плачет. Но мы правда никому об этом не скажем.

«Случилось что-нибудь, Лис?» – спрашивает мама.

«Нет», – рывкает Лис.

И вот он снова наблюдает за двором через щель в занавесках, а потом решает выйти попинать мяч, пока никого нет. Дома скукотища, он вчера и так весь день дома торчал.

Во дворе он исподлобья поглядывает на окна «корешей», одновременно гоня туда-сюда мячик. Никто почему-то не выходит. Удивительно. Но тут он вспоминает: они же на тренировке в бассейне.

Обычно и Лис в это время на тренировке, но теперь он наказан за то, что для смеха пописал на каменку в сауне при бассейне. Он пинает мяч и в конце-концов слышит, как открывается дверь.

Появляется Мухис и говорит «Здорово!»

«Опять этот!» – шипит Лис себе под

нос. И спрашивает: «И куда ты, типа, собрался?»

«Приглашения отношу. У меня в пятницу День Рождения. Мне восемь будет. Мама сказала, чтоб тольк' соседей позвать, а то у нас еще все в раздрае».

Петтери-Лис лупит мячом в стену помойки.

«Теперь мне надо их раскидать по ящикам», – говорит Мухис.

Лис смотрит, как Мухис по очереди опускает приглашения в почтовые ящики его друзей.

«Ты что, и меня зовешь?» – удивляется он.

«Да. Хотя, раз у нас воняет, можешь и не ходить. Так папа сказал. Но будет здорово, если придешь. Мама сказала, подарков или чего-то приносить не надо. Но если придешь – то хорошо».

Петтери-Лис смотрит, как Мухис исчезает за дверью, и несет к ящикам.

Он вынимает адресованное ему приглашение и нюхает. Вскрывает конверт и заглядывает внутрь.

«Нафиг надо!» – говорит он, рвет приглашение на тысячу кусочков и заталкивает их в карман.

Потом Лис ненадолго задумывается. «Лучше будет, если никто туда не пойдет».

Произнеся эти слова, он вынимает из ящиков «корешей» приглашения и, зажав их под мышкой, бежит домой.

Оказавшись в своей комнате, он собирается порвать и их, но тут в дверях показывается мама:

«Ты чем это занят, Лисеночек?».

«Ничем таким», – говорит Лис и быстро запикивает приглашения в ящик комода, где хранятся его носки.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

1. Какая идея родилась у Лиса?
2. Как «кореша» отнеслись к этой идее?
3. Как повел себя Мухис в сложившейся ситуации?

ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Какие чувства испытал Петтери-Лис после разговора с «корешами»?
2. Вы когда-нибудь испытывали подобные чувства?

От переводчика

Конечно же, Петтери-Лису пришлось вернуть приглашения Мухиса в ящики своих «корешей». Много раз он пытался вредить Мухису и даже придумал устроить в день его рождения «Праздник для всех», чтобы окончательно ему насолить. Но все было напрасно. Кроме того, Лис оконфузился: он решил заманить «корешей» футболками с надписью «Праздник для всех», но сделал в слове «для» такую ошибку, что это слово не то, что писать на футболке, но и произносить стало неприлично. И вот настал день праздника, на который Мухис пригласил всех – даже ворчливого соседа господина Жаргона.

3.

Петтери-Лис запрыгивает на качели, те, что для малышей, но не садится. Он начинает с силой раскачиваться стоя. «Ну и пофиг!», – бормочет он, хотя ему вовсе не пофиг.

Чтобы раскачаться, он то откидывается назад, то наклоняется вперед, то напрягает икры, то запястья, и качели летают все выше.

«Да этот пацан вообще странный».

Лис раскачивается сильнее.

«Никто не сечет», – продолжает он.

И раскачивается еще сильнее.

«И угощение. И все такое. Вообще не понял. Папа, наверное, тоже не просек».

И еще сильнее. Петтери-Лис надеется обернуться на качелях вокруг перекладины.

«Вот мама бы просекла, если б не Нюня», – соображает Лис, и тут где-то открывается дверь.

Какая дверь? Где? У Мухиса?

«Вот если бы меня еще позвали...»

Но это дверь господина Жаргона.

«Хватит одному там качаться!»

Сперва Лис не отвечает, а только летает взад-вперед. Но господин Жаргон уходит не собирается, так что Лису не отвертеться.

«Это еще с чего?»

«Пойдем на праздник»

«Щас что ли?»

«Ну! Праздник-то сегодня, а не завтра».

Петтери смотрит на господина Жаргона: какая на нем элегантная одежда. Светло-серые брюки, жилетка, пиджак, сияющая белизной сорочка. На шее галстук-бабочка, а подмышкой сверток.

Не улыбается ли господин Жаргон? Вроде нет, зато его лысина сияет так, что седые волосы, растущие над ушами и на затылке, выглядят как смешной шлем космонавта. Сам-то господин Жаргон не улыбается, зато улыбаются его густые седые усы. И глаза тоже улыбаются Петтери-Лису, который соображает, что ему делать.

«Разумно быть разумным», – добавляет господин Жаргон.

Лис отводит глаза.

Господин Жаргон приближается к нему, и Лис ощущает густой, но одновременно свежий запах. Дынный? Нет, апельсиновый... И тоже нет. Даже глаза немного щиплет. Лис на секунду зажмуривается. Непонятный запах.

«Слушай, ты тоже чем-то пахнешь», – говорит Петтери-Лис.

«Молодой человек! Я – благоухаю. Одеколоном».

«А что это?»

«Есть на свете прекрасный город Колон, или Кёльн, откуда родом этот запах. Это на юге. И это определенно Европа. Восхитительная кухня. Блестящая ночная жизнь. Потрясающие люди. Но и тут поблизости тоже есть одно отличное место».

«Это какое?»

«То, куда мы направляемся».

«А, к Мухису?»

«Именно. Хотя его настоящее имя Мухаммад, если не ошибаюсь».

Лис хмурит брови.

«То есть Мухис. А что ты ему подаришь?» – спрашивает он и указывает на сверток.

«Ну, это просто дешевенькая шахматная доска из ”Присмы”. Но это все-таки настоящее дерево, а не пластик. И фигурки из искусственной слоновой кости. Когда их ставишь на поле, они стучат, как и положено. Это очень важно при игре в шахматы. Это создает нужное настроение».

Петтери-Лис радуется: «Ой, и я умею играть в шахматы. Мы на летних каникулах всегда с дедом играем».

«Твой дедушка наверняка хорошо играет».

«Да, он отлично играет. Он полировка... то есть рокировку умеет делать, и вообще. И как все белые ходят, тоже знает, и как черные! И я тоже знаю. Ну, в общем».

«Нисколько не сомневаюсь. И в один прекрасный день... – улыбается господин Жаргон и смотрит на лес, что за дорогой, – и этот день настанет куда быстрее, чем тебе кажется, ты дашь дедушке фору с рокировкой».

«А что такое фора?»

«Потом узнаешь», – снова улыбается господин Жаргон и смотрит на что-то далекое и близкое одновременно.

«Однако, Петтери-Лис, – приосанивается он, – ты сказал, что я пахну. А знаешь ли ты, что у тебя тоже есть запах?»

Лис нюхает свой рукав. «Это как? То есть – что?»

Господин Жаргон наклоняется. «Твой запах – тоже благоухание. Это благоухание хлопьев, которые ты съел утром, мыла, которым ты моешься,

специи, которыми твой папа приправляет обед, твоей младшей сестренки, дома, школы, этого двора, твоих снов. И черники! В тебе благоухает вся твоя жизнь. Я даже отсюда это ощущаю».

«Ничем я не пахну», – всплывает Лис и вытирает щеку. На щеке обнаруживается черника. Он щупает карман. Там монетка, которую дала бабушка.

«Да, ты только благоухаешь. Мои старые усы улавливают это даже на расстоянии», – отвечает господин Жаргон и усы ухмыляются.

Петтери-Лис отворачивается, и это, кажется, последний раз на сегодня, но не последний раз в жизни – просто ему необходимо иногда отвернуться.

Лис смотрит на лес и на дорогу перед лесом. Ни белки, ни машины, за которыми можно понаблюдать, смотреть не на что, и никуда не скрыться.

Ни одного лаза, чтобы открыть и проскользнуть внутрь.

«Лис, пойдем на праздник. До моего носа уже долетел аромат пахлавы, а я так давно ее не нюхал. Последний раз, кажется, когда-то давно, в Стамбуле. Или в Тель-Авиве? Или в Тунисе... Ну да ладно. А может, на празднике подадут и хумус? И к нему даже свежий лаваш? Мм-м...», – размышляет господин Жаргон про себя и поворачивается, чтобы поглядеть на дверь Мухиса. И снова он смотрит на нее как на что-то далекое и близкое одновременно.

«У меня и подарка нет», – говорит Лис.

Господин Жаргон снова приосанивается, притрагивается к своей «бабочке», смотрит Лису в глаза и спрашивает: «У меня галстук ровно?»

«Ага. То есть да. Ну, почти».

«Спасибо. Галстук-бабочку никогда

нельзя надевать совсем ровно, – поясняет господин Жаргон, – но это не важно. Важно, что мы идем на праздник и у нас есть общий подарок для восьмилетнего именинника».

«Это какой?»

Господин Жаргон достает из свертка открытку, раскрывает и показывает Лису.

«И ручка, разумеется», – добавляет он и извлекает из нагрудного кармана чернильную ручку.

Лис смотрит на ручку. Потом на открытку.

«Сердечные поздравления Мухаммаду с его восьмилетием от соседа О. Ж. Жаргона».

«Умею рокироваться и вообще, привет от Лиса», – калякает Лис под поздравлением господина Жаргона.

Жаргон забирает у Лиса открытку и направляется к двери Мухиса. По пути он смотрит на открытку, а потом на футболку Лиса.

«Чернилами ты пишешь грамотнее, чем фломастером», – говорит он.

«Чё?»

«Ни одной нелепой ошибки. По крайней мере, такой, как у тебя на футболке».

Петтери подымает руки и закрывает надпись.

Господин Жаргон останавливает его, положив руку ему на плечо.

«Подожди-ка», – он наклоняется и снова извлекает из кармана ручку.

Он натягивает футболку за нижний край так, что образуется тугая поверхность между подбородком Лиса и рукой Жаргона.

«Если позволишь», – говорит господин Жаргон.

Он так сосредоточен, что усы

превращаются в прямую черту над верхней губой. «Этот логотип... нуждается... в небольшой коррекции... Вот так. Что скажешь?»

«Да, крутая буква получилась! Потому что она как бы совсем другая».

«И теперь я с перекошенной "бабочкой" и ты в твоей стильной футболке – мы отлично впишемся в этот праздник. Правда же? Ну что, нажимаем на звонок?»

Лис смотрит себе под ноги. Он ощущает какой-то сладкий запах. Запах разносится по двору из открытого окна в нижнем этаже квартиры Мухиса.

«Окей!» – соглашается Лис и смотрит на господина Жаргона.

Его усы снова улыбаются, Жаргон протягивает руку и нажимает на кнопку звонка.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

1. О чем разговаривают Лис и господин Жаргон?
2. Что нового для себя узнает Лис из их разговора?
3. Чем заканчивается их встреча?

ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

Как вы думаете, чему может научить эта история?

Примечание переводчика

(1) «Молодежник» – дом молодежи, nuorisotalo, или, сокращенно, nuta: место, где финские подростки могут проводить досуг.

Пер. с фин.: Полина Копылова

ХРЕСТОМАТИЯ